

УДК 316.44

ОСВОЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ПЕНСИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

М. Э. Елютина, Г. И. Болотов

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elutina133@mail.ru

Болотов Георгий Игоревич, аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gbolotoff@mail.ru

В статье авторы на основе данных социологического исследования, проведенного в г. Саратове (ноябрь 2016 г. – май 2017 г.), показывают гендерные особенности в решении проблем повседневной жизни пожилой супружеской пары.

Ключевые слова: пожилая семья, супружеские отношения, симбиотичность пожилых супругов, социальные стереотипы.

The Development of Everyday Life in Retirement: the Gender Aspect

M. E. Elutina, G. I. Bolotov

Marina E. Elutina, ORCID 0000-0001-5186-2418, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, elutina133@mail.ru

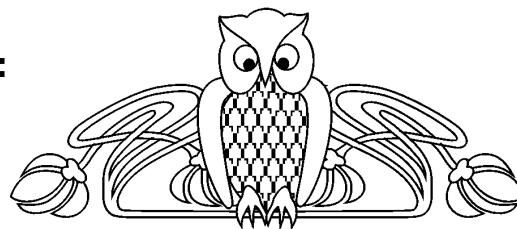
Georgij I. Bolotov, ORCID 0000-0002-6829-1903, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, gbolotoff@mail.ru

In the article the authors based on data from sociological research conducted in Saratov (november 2016 – may 2017), show gender characteristics in solving problems of everyday life of an elderly couple.

Key words: elderly family, marriage, symbiotically elderly couple, social stereotypes.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-383-386

В настоящее время возникла ситуация, когда старость перестала быть «прозрачной», заняла особое место и в жизни отдельного человека, и общества в целом. Это проявляется в следующих моментах. Во-первых, мир стареет, что представляет собой объективную общедемографическую тенденцию. Прогрессирующий процесс старения приобрел глобальный характер. Неслучайно в научном и публичном дискурсах усилилось внимание к социальным проблемам старения, старости. Деловые и государственные лидеры стран, вплотную столкнувшиеся с проблемами старения населения, активно обсуждают возможные стратегии, способные в определенной

степени демпфировать социально-экономические последствия постарения населения. Старение населения становится вызовом, требует особой политики. Эта проблема в каждой стране имеет свои особенности.

Процесс постарения населения России происходит в условиях политической и социальной нестабильности. Переход к рыночным отношениям вызвал ухудшение социального положения большинства пожилых людей. Происходит быстрая люмпенизация стариков. Идет процесс падения авторитета старости. Низкий социально-экономический статус ограничивает их жизненный потенциал. Во-вторых, старость становится длительным и значительным этапом индивидуального развития. Старость в значительной степени представляет собой результат активного социального конструирования. Под воздействием старения происходит трансформация всех институтов: от семьи до государства. В-третьих, демографическая ситуация в нашей стране характеризуется значительным превышением численности женщин-пенсионерок над численностью мужчин-пенсионеров. Происходит феминизация старения. Демографическая асимметрия в третьем возрасте является следствием как социальных катаклизмов, так и более раннего выхода на пенсию женщин, по сравнению с мужчинами, более высокой продолжительности их жизни, а также ранней смертности мужчин в нашей стране. Гендерная асимметрия представляет собой важный количественный индикатор, обуславливающий содержание социальной политики страны. В связи с этим актуализируются исследования гендерных аспектов взросления и старения, социальных различий, легитимных практик взаимоотношений.

С точки зрения традиционного взгляда, пожилых людей объединяют в группу социально бессильных. В научной литературе встречается и в наши дни описание старости по аналогии с процессами инволюции, распада, деградации. Но чаще присутствуют скрытые параллели, и даже в работах тех, кто говорит о пожилом возрасте как о времени взросления. Это объясняется усиливающимся негативным отношением к физическим возможностям стариков, особенно женщин, начавшемся в конце XIX в. Важно отметить, что медицина играла в этом процессе ключевую роль, артикулируя отрицательные стороны старости как жизненного этапа. В рамках медицинского дискурса старость предстала как

состояние риска, как болезнь, требующая постоянного медицинского контроля.

Обобщая существующие подходы и социогеронтологические теории, можно выделить принципиально различные точки зрения: гендерно-нейтральный подход к изучению геронтологических проблем и гендерно-чувствительную модель анализа геронтологической проблематики.

При использовании первого подхода выделяется социальная группа пенсионеров, анализируется переход в систему новых социальных ролей, в новую систему правовых и межличностных отношений. При этом игнорируется тот очевидный факт, что пенсионеры – это мужчины и женщины, а не третий пол, сконструированный государством. В развитии второго подхода намечаются лишь первые шаги, которые представляются следующими направлениями исследования: 1) механизмы продвижения патриархатной идеологии и различные проявления гендерного и возрастного неравенства; 2) семья пожилых людей рассматривается как элемент системы гендерных отношений; 3) исследования гендерного аспекта занятости, системы трудовых отношений и социального обслуживания представителей третьего возраста.

В рамках второго подхода в данной статье мы сфокусировались на гендерном анализе пожилой семьи в контексте повседневности. Повседневная жизнь семьи – это совместная жизнь с другим и другими, предполагающая следование определенным правилам совместной жизни и проявляющаяся в семейных стратегиях, мотивациях, коммуникациях, вкусах, оценках, стереотипах восприятия, обычаях, ритуалах. Это совокупность опривыченных действий и поступков, это быт, в равной степени обязательный как для тех, кто за его пределами не видит ничего, так и для людей, которых волнуют вопросы бытового обустройства. Гендерные аспекты повседневности связаны с различиями в женской и мужской ментальностях, женском и мужском образе мира и аксиосферах мужского и женского, со своеобразием фиксации запомненного в памяти (меморизацией). В современном цивилизованном мире семья обеспечивает устойчивость общества и первой реагирует на любые социальные трансформации, выступает скрепой внутренней и внешней идентичности человека. Именно семья ассоциируется с личным благополучием, демпфируя различные страхи, в первую очередь страх перед неизвестностью, перед угрозой со стороны. Страх, лишь усиливающийся с возрастом, выступает в качестве символа, в котором могут воплощаться все пугающие семью иллюзии. Для молодой семьи одной из важных проблем является расстановка ценностных приоритетов в желании «успеть все». Для пожилой семьи с фокусом локализации семейных проблем на супружеской паре логично было бы предположить наличие вполне определенных предпочте-

ний – помимо заботы о здоровье, ценностную значимость приобретает вопрос об организации свободного времени, использовании различных форм проведения досуга, о ритме жизни «для себя». Однако ситуация нестабильности и небезопасности, в которую нередко попадает пожилая семья, вносит свои коррективы в освоение повседневной жизни, иницируя поиск таких форм мышления и поведения, которые помогут обрести способность к обращению в повседневной жизни – способность к движению и общению. При анализе пожилой семьи гендерные различия, как правило, нивелируются. При этом используют гендерно индифферентное понятие «пожилой человек». Семья пожилого человека характеризуется определенными особенностями. Отметим, как мы полагаем, наиболее существенные в русле нашей темы характеристики.

1. Супруги так или иначе справились с проблемой нарушения объектных отношений, преодолели страх взаимозависимости, характерный для современного общества, в котором все рельефнее проявляется потребность человека строить жизнь автономно, не поддерживая родственных связей. Именно благодаря функции взаимной зависимости в пожилой семье ее члены способны выжить как в социокультурном, так и в витальном смысле. Поэтому пожилую семью можно рассматривать в качестве антипода различным формам инфантильного партнерства, когда нормой становится принцип взаимоотношений «каждый сам за себя».

2. Личностное взаимодействие мужа и жены регулируется моральными принципами и поддерживается имманентными ему ценностями. Особо подчеркнем неинституциональный характер отношений, симметричность прав и, что не менее важно, асимметрию ролей мужа и жены.

3. Симбиотичность пожилой семьи можно объяснить тем фактом, что многие социально-психологические черты членов семьи не были присущи им с самого начала, а сформировались за время длительного взаимодействия, что обуславливает высокую степень эмпатии супругов, помогающую успешно избегать или разрешать конфликты. В семьях такого типа при утвердившихся гендерных ролях, тем не менее, отсутствуют их жесткие границы, что способствует освобождению интеллектуального пространства супружеских отношений от предубеждений, архетипов патриархатного мышления (мужчина – «производитель смысла», женщина – «носитель смысла»).

С целью получения представления о гендерных ролях, функциях, практиках организации повседневной жизни пожилых семей в условиях интенсивного изменения или утраты старых и возникновения новых социальных образцов в сфере семейных отношений мы провели качественное исследование. Сбор и анализ материала проводился с помощью неструктурированного

неформализованного интервью. Эмпирическая база представлена 26 глубинными интервью с мужчинами и женщинами со средним и высшим образованием, возраста 60+, пенсионерами, состоящими в браке, отдельно проживающими, активно ведущими домохозяйства (люди прямых действий – принимающие решения по поводу организации повседневной жизни и несущие ответственность за них), основным источником дохода которых является государственная пенсия. Опрашивались жители города Саратова (ноябрь 2016 г. – май 2017 г.).

Наше исследование показало, что отдельно проживающие пожилые семьи в большинстве своем ориентируются на стратегию планирования и жесткой экономии ресурсов, так как текущих доходов хватает лишь на текущее потребление (а иногда может и не хватать)¹. Объективной необходимостью становятся кооперация домашнего труда, общий бюджет, демократические стили разрешения конфликтов, эффективное диадическое (совместное) совладание с жизненными трудностями (межпоколенной конфронтацией, бедностью, социальным одиночеством). Заметим, что основу субъективации и объективации событий жизни наших респондентов составляет микс из этики построения семейных взаимодействий советского периода и личных этических проектов информантов. Повседневные семейные стратегии обусловлены теми социально-экономическими ресурсами, которыми располагает семья. Тем не менее, они являются гендерно маркированными и проявляются в следующих содержательных моментах.

1. И мужчины, и женщины убеждены в том, что жизнь на пенсии – это «катастрофа», причающая к постоянной борьбе за выживание. Это – «испытание на прочность», «кто выживет, тот проживет долго». «Катастрофа» выступает эпистемической моделью описания жизнедеятельности семьи на пенсии. По мнению респондентов, никакие решения и действия на предыдущих этапах жизненного пути не могут гарантировать «катастрофические сбои» в повседневной жизни на пенсии. Большинство современных пенсионеров, как в известном мультфильме о крысолове, «под сладкие звуки пенсионной реформы неизбежно погружаются в пучину бедности и зависимости».

2. В пожилой семье, как правило, имеется общий бюджет, в отличие от молодых пар, которые все чаще выбирают раздельный вариант:

Р.: Конечно, у нас общий бюджет. Иначе это не семья, когда каждый сам за себя. В семьях наших родителей было именно так, мы воспитаны с сознанием, что у мужа и жены все совместное. У нас нет неподотчетных средств. Если и есть у жены, то это она для внучки заначку делает, чтобы ей игрушки или платья какие купить. Я это знаю и молчу. Пусть делает, как ей нравится (муж., 70 лет).

Причем структуру трат определяет, как правило, женщина. Наши респонденты отметили необходимость делать определенные запасы «на случай экстремальной ситуации», «на черный день». Такая женская «запасливость» определяется, помимо прочего, гендерными различиями в представлениях об опасности. Как показывают результаты исследований, для женщин характерна повышенная ситуативная тревожность².

3. Лояльное отношение к традиционным семейным ролям. Несмотря на тот факт, что «мужская» модель поведения остается эталоном, в реальной практике концентрация семейной власти сосредоточена в руках женщины. Речь идет, в первую очередь, о контроле над денежными ресурсами семьи:

Р.: Муж деньгами распоряжаться не умеет. Как только появляются деньги, сразу старается их потратить, а если долго не появляются – одолжит и тоже потратит. Я трачу деньги крайне редко. Так что теперь молча коплю, и если спрашивает, где деньги, говорю, что их там копейки, и я заплатила за телефон или что-то в этом роде. А сама мелочью храню наличку на всякий пожарный случай (жен., 64 года);

Р.: Да, деньги под моим контролем, но муж о них знает, по крайней мере, настолько, насколько интересуется этим вопросом в целом (жен., 72 года).

4. Эмоциональные связи между супругами выступают как динамическое единство противоположных стремлений – потребность во взаимной привязанности, с одной стороны, и стремление каждого из супругов к собственной автономии через установление четких границ своего «Я» в этих отношениях, с другой. Именно в пожилой семье существует возможность овладения разнообразными социальными ролями, что не ведет к утрате гендерной принадлежности, а, напротив, способствует индивидуализации как мужчин, так и женщин. Определенные «льготы», послабления возможны и определяются, главным образом, с учетом состояния здоровья, уровня работоспособности:

Р.: Муж более мобильный, поэтому он решает вопросы с разными покупками. Я отвечаю за кухню, кашеварю, прибираюсь. Что у него лучше получается, то он и делает, и я живу по такому же принципу. Важно ведь не то, кто главный (мы оба главные), важно не допустить над собой власти мелочей, пустяков, не увязнуть в них. Мы научились не навязывать свои мысли, а признавать правоту каждого на свою истину (жен., 69 лет).

Пожилая семья – это многовершинная семья.

5. По мнению наших респондентов, именно от женщины в конечном счете зависит вся структура взаимоотношений пожилой семьи – с детьми, родственниками, знакомыми. Женщине принадлежит прерогатива перезарядки конфликт-

ного поля с помощью особых стратегий «утепления» отношений: «приготовить любимое блюдо», «вспомнить приятное», «пригласить детей и внуков», «не путать вину с бедой, прощать». В результате, моменты напряжения, кайросы (П. Тиллих) сменяются расслаблением, дремотой:

Р.: Жена хорошо печет. И так повелось, что мы устраиваем семейное чаепитие: приглашает детей, внуков. Начинаем что-то обсуждать, вспоминать, все вовлекаются в этот процесс. Мы все на одной волне. И как-то, само собой, конфликты, недопонимания уходят, становятся незначительными. И мы к ним в дальнейшем не возвращаемся (муж., 68 лет).

Именно женщина активно реализует традиционную функцию заботы о внуках. С появлением внуков только женщины уходят из сферы занятости. Женщины, имеющие дачные участки, становятся источником продуктовой помощи детям и внукам. Мужчины, особенно те из них, кто занимал высокое социальное положение, был ориентирован на работу, после выхода на пенсию сталкиваются с проблемой интеграции в семейные взаимоотношения, поиска своего места, своей ниши в семейных интеракциях.

6. Испокон веков считалось, что мужское тело устроено более рационально, чем женское, именно оно является стандартом в иллюстрациях и текстовых документах. Женская привлекательность недолговечна, со временем подвержена неизбежной эрозии. Следовательно, женщины с возрастом стремительнее растрачивают социальный капитал и инструменты влияния на ситуацию, чем мужчины, в результате чего дискриминация женщин по возрасту на практике начинается гораздо раньше, чем дискриминация мужчин. Стереотип женской старости фиксирует отсутствие развития, неопрятный образ человека без пола и желаний, вызывающий физическое отторжение, образ сплетницы «бабушки на лавочке». Современные женщины пенсионного возраста испытывают на себе социальное влияние, связанное с идеализацией внешней привлекательности, поддержание которой превращается в тяжелый и постоянный труд, требующий моральных, душевных и физических усилий, а также значительных финансовых вложений. Логично предположить, что с возрастом усиливается потребность в разнообразных практиках работы над телом. На деле, по мнению наших информантов, складывается совершенно иная ситуация, которая фиксирует тот факт, что пластические операции и косметические процедуры

являются прерогативой молодых женщин, которые стремятся любой ценой объективировать себя и определить себя в категориях тела:

Р.: Я, конечно, буду лукавить, если скажу, что для меня важно содержание, а не форма. Современная культура опрокидывает эти убеждения (а ведь нам именно так и внушали с детства: «надо быть достойным человеком»). Да и мужчины равнодушны к формам, несмотря на возраст. Потребность, безусловно, существует, однако нет ресурсов. Конечно, в первую очередь, материальных. Да и нет привычки. Обхожусь естественными масками и «бабушкиными» рецептами. Посмотрите, кто является потребителем такого рода услуг. Молоденькие барышни. Именно они постоянно «делают себя» (жен., 68 лет).

Как показали результаты нашего исследования, пожилая семья сталкивается с необходимостью приспособить свою жизнь к новым реалиям, и это приспособление нередко идет болезненным и непредсказуемым путем, ломая привычный образ жизни, видоизменяя структуры, в том числе и гендерные, ритмы повседневности, разрушая самоочевидные ожидания. Повседневная жизнь пожилой семьи – это не только способ экономного хозяйствования (при весьма ограниченном размере пенсий пожилая семья демонстрирует прямо-таки виртуозные практики адаптации к рыночным условиям), но и включает разнообразные показатели духовно-нравственного порядка. Освоение повседневных практик пожилой семьи во всей их неоднозначности, противоречивости приобретает значимость не только для социальной практики, но и как предмет научного анализа.

Примечания

- ¹ См.: Елютина М. Э., Болотов Г. И. Повседневная жизнь пожилой семьи : стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 10–14. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14 ; Елютина М. Э., Климова С. В. Благополучие семьи : парадигма комплексного институционального подхода // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 19–26 ; Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–93.
- ² См.: Лаврова Е. В., Матвеева Л. В. Содержание новостного дискурса и представления человека об опасности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 5–20.

Образец для цитирования:

Елютина М. Э., Болотов Г. И. Освоение повседневности на пенсии: гендерный аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 383–386. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-383-386.

Cite this article as:

Elutina M. E., Bolotov G. I. The Development of Everyday Life in Retirement: the Gender Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 383–386 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-383-386.